

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ МОЗАИКА

ЭО, 2011 г., № 1

© Е.М. Бреус

СОВРЕМЕННЫЕ ДЕНЕЖНЫЕ ЗНАКИ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ (КНР, 4-я ЭМИССИЯ, 1987–1999)

Ключевые слова: Китай, национальная валюта, национальные меньшинства, национальная идентичность, территориальная целостность

Данная статья посвящена проблеме концептуализации народа, как источника легитимности власти, и репрезентации этой концепции на национальной валюте государства. В качестве примера для рассмотрения выбрана валюта КНР четвертой серии, поскольку глубоко проработанная сюжетная линия представляет собой целостную концепцию китайской нации. Таким образом, четвертая серия денежных знаков подводит итоги процесса развития как самой страны, так и идеологической линии с 1949 по 1980-е годы. Суть концепции заключается в том, что “весь китайский народ под руководством КПК строит социализм с китайской спецификой”. Визуальный ряд денежных знаков репрезентирует сообщество, население которого концептуализируется по этническим и социальным принципам. Портреты национальных меньшинств ассоциируются с определенными территориальными образованиями, что подтверждает тезис о целостности и неделимости страны. Это единство дополняется пейзажными фрагментами аверсов купюр. Вершину социальной иерархии занимают основатели КНР и руководители КПК до 1976 г. Монолитность изображенного образа утверждает единство идеологической линии, а единая манера исполнения портретов – солидарность народа и его правителей.

Основные вехи формирования китайской денежной системы

Первым денежным средством Китая, как и других древнейших цивилизаций, являются раковины каури. Они «первоначально использовались как украшения и потому очень ценились. (...) О значении каури как одной из домонетных форм денег красноречиво говорит иероглиф “бей” 貝, принятый для их обозначения» (Быков 1969: 4). Современное написание иероглифа “бей” несколько упрощено – 贝, но он по-прежнему используется в словах, обозначающих взаимоотношения с деньгами. Например, *цай* (財) – деньги, *цай бао* (财宝) – сокровища, *май* (买, в полном написании 買) – покупать, *фей* (费) – расходы, тратить, *цзы* 资 – капитал и др.

Помимо раковин в качестве домонетной формы денег выступали различные изделия из бронзы. “Уже во второй половине второго тысячелетия до н.э. Китай обладал развитой техникой литья бронзы, что позволило многие каменные, костяные и глиняные предметы заменить бронзовыми. (...) Подобно им древнейшие китайские монеты отливались из бронзы и имели форму различных предметов, которые во времена меновой торговли употреблялись в качестве товаро-денег” (Там же: 6). Надо сказать, что

Елена Михайловна Бреус – аспирант Центра азиатских и тихоокеанских исследований Института этнологии и антропологии РАН; e-mail: len-breus@yandex.ru

«пока не появились монеты, деньгами человеку служило множество вещей, диапазон которых поистине велик: от коровьих черепов на острове Борнео до брусков соли в Африке; от металлических копий в Конго до человеческих черепов на Соломоновых островах. В древней Мексике в качестве средства денежного обращения “ходили” мешочки какао-бобов. Известны факты длительного использования для той же цели табака, сушеной рыбы, зерна злаковых культур, початков кукурузы» (Орлов 2006: 53).

Разнообразие форм и размеров платежных средств (музыкальные пластины, мотыги, ножи, ключи) в древнем Китае продолжалось вплоть до объединения государства под властью Цинь Шихуана в 221 г. до н.э. Вместо прежнего разнообразия, по повелению императора, утверждались в качестве единого платежного средства “высшая валюта – золотые деньги – и низшая валюта – медная монета – бань-лян (половина лян)” (Переломов 1962: 142). С этих пор повсеместное распространение получили монеты строго определенной формы – круглые, с квадратным отверстием по середине. Эта форма монет использовалась на протяжении всей истории императорского Китая вплоть до конца правления династии Цин (1644–1912).

Одним из важных этапов эволюции формы денег является период, когда на монетах помимо весовой стоимости появляется обозначение “девиза правления” главы государства – *няньхао*. Он «избирался при вступлении императора на престол и служил ему вместо личного имени, которое никто не смел произносить как священное имя “сына неба”, каковым себя считал император. Благодаря *няньхао* монеты получают своеобразную, хотя и не совсем точную датировку. Самыми древними экземплярами такого рода являются монеты в 100 шу, выпущенные царством У и носящие иероглифы *няньхао Тайпин (256–257)*» (Быков 1969: 16), что означает “великий мир”.

В данном случае деньги с *няньхао* уже являются не просто эквивалентом всех товаров, мерой всех вещей, но и носителями идеологической линии властного покровительства государя. Пусть на этих монетах не изображался лик монарха, как это было в Европе, но *няньхао* выполнял ту же самую функцию, поскольку являлся его иероглифическим репрезентантом. Как и в Европе, со сменой правителя отливались монеты с новым *няньхао*, который олицетворял волю Сына Неба, а сам он воспринимался как эквивалент самого государства. Эту же идею в Европе с максимальной завершенностью выразил Людовик XIV своей знаменитой фразой: “Государство – это я”¹ (Энциклопедический словарь).

Следующий важный этап унификации денежной системы Китая – правление династии Тан (618–906). В это время устанавливается новая весовая единица для монет – один цянь. «Уже первым выпуском танских бронзовых монет с квадратным отверстием (621 г.) были определены основные черты цяня, продержавшегося на Дальнем Востоке более 1200 лет. На лицевой стороне цяней первых выпусков изображены четыре китайских иероглифических знака, по одному с каждой стороны отверстия. Вся надпись означает: “имеющая хождение монета начала правления”. Впоследствии два знака, верхний и нижний, иногда уступали место двум другим, означающим “няньхао” – девиз данного правления. Обратная сторона танских монет, как правило, гладкая» (Быков 1969: 18).

Особенность средневекового денежного обращения заключается в том, что, как правило, единицей обмена выступал “не отдельный цянь (весом около 3,5 г), а связка монет (в идеале – 1000 штук, весом в среднем 3–3,5 кг). Связка монет – великое изобретение, сравнимое с изобретением колеса. В то время как в западном мире долго бились над созданием иерархии монетных номиналов и только в новое время пришли к десятичной системе, в Китае испокон веков существовала хотя и громоздкая, по нашим понятиям, но достаточно практичная монетная система, основанная на меди. Ее необычайная практичность вытекает из возможности в любой момент вынуть из связки нужное число монет или составить полную связку из разрозненных монет (одинакового номинала)” (Ивочкина 1990: 24).

Однако перед чиновниками, торговцами, богатыми людьми стояла особая проблема: вес монет. Налоги, собиравшиеся со всей империи, транспортировка больших сумм при оптовой торговле, хранение – все это доставляло немало хлопот. Решение этой проблемы явилось важной вехой в становлении денежной системы Китая и связано оно с появлением “летающих денег” *фэйцяней* – предшественников банкнот.

Важно то, что в это время появился сам механизм обмена товара на бумажный документ. Первое время обмен товара на бумажный документ было частным делом, но постепенно, с ростом махинаций, государственная власть берет этот процесс в свои руки. “В 28 день 11 месяца 1 года Тянь-шэн (1023 г.) в столичном городе (получили указание начать выпуск государственных цзяоцзы). (...) [Цзяоцзы] обращались в течение года второго срока [в размере] 3 884 600 связок. В 3-й год периода Цзинь-ю (1036 г.) учредили казенный монетный двор и должности двух чиновников – луньсу” (*Ли Ю* 1937: 132–233. Цит. по *Ивочкина* 1990: 70–71).

Древние китайские бумажные денежные знаки в качестве легенды содержали «изречения из древних книг вроде: “приумножая богатства государства, обогащаешься вдвойне”; пожелания многих лет императору; названы легендарные сюжеты: дракон и черепаха, которые принесли письма (мифическая версия возникновения иероглифической письменности), и т.д.» (*Ивочкина* 1990: 159).

В качестве примера оформления внешнего вида сунских (960–1279) денежных знаков можно привести сохранившееся бронзовое клише, опубликованное в 1938 г. М. Окудайрой (*Окудайра* 1974: 183–185. Цит. по *Ивочкина* 1990: 159). “Лист ассигнации – вертикально вытянутый прямоугольник, разделенный на три части. В верхней части изображения – десять цяней – круглых монет с квадратным отверстием – двух типов. (...) Эти пять пар “лицевых и оборотных сторон” – не воспроизведение подлинных обращающихся монет, а условное, символическое изображение монеты как одной из драгоценностей. Совершенно определенный набор подобных драгоценностей широко вошел в народную культуру Китая в качестве благожелательного символа, сулящего богатство и достаток. Такого рода символы часто встречаются на лубках и на любых предметах прикладного искусства.

В средней части ассигнации содержится легенда: “Во всех областях, провинциях и уездах, кроме Сычуани, разрешено при частной и казенной надобности свободно употреблять в качестве 770 веней (т.е. одной связки – Н.И.) наличными деньгами”. В нижней части изображены три человека, перетаскивающие тюки во дворе амбара. В верхнем правом и нижнем левом углах надпись: “Тысячи бы таких амбаров!” (*Ивочкина* 1990: 159–160).

Итак, в результате исторических коллизий в Китае появились бумажные денежные знаки, которые были призваны дублировать медные монеты, упрощая взаимные расчеты, избавляя этот процесс от тяжести самого металла. В идеологическом аспекте бумажные деньги были встроены в традиционный культурный контекст и также, как и медные монеты, выражали лояльность императорской власти, пожелания обогащения стране и отдельному гражданину, и др. В дальнейшем структура денежного обращения (медные монеты, бумажные эквиваленты и, элитарно, драгоценные слитки) оставалась прежней.

В период династии Южная Сун (1127–1279) стали добавлять точную дату отливки монет. Эта традиция продолжилась “в чжурчженском государстве Цзинь (1115–1234). Только на цзиньских бронзовых и железных монетах даты обозначались не цифрами, а китайскими иероглифами по шестидесятилетнему циклу – особой системе летоисчисления, известной тюркам и китайцам с давних времен” (*Быков* 1969: 23). Постепенно деньги берут на себя определенную функцию, опредмечивая не только власть, но и время. Ведь монеты, посредством девиза правления, точно указывают на порядок чередования императоров на престоле.

В годы правления маньчжурской династии Цин (1644–1912) добавляется еще одна функция: маркировка государственного пространства. Завоевания новых территорий сопровождаются выпуском монет с указанием места отливки. “Первый год правления Канси (1662–1722 годы) цинские войска и флот ознаменовали присоединением острова Тайвань, который незадолго до того голландцы пытались превратить в свою колонию. Победа в том же году была отмечена выпуском монет на вновь основанном тайваньском монетном дворе.

Правительство Канси в 1720 г. ввело свои войска в Тибет под предлогом защиты его от набегов джунгарцев. В монетном деле это событие отразилось сперва чеканкой в Тибете серебряных монет с обозначением даты по шестидесятилетнему циклу, а с 1793 г. выпуском также серебряных двуязычных тибето-китайских монет, чеканенных во дворце далай-ламы в Лхасе с няньхао цинского императора и порядковым годом его правления.

Большое количество монетных дворов, рассеянных по всей стране, нередко по два или три в провинции, еще более увеличилось с присоединением к цинскому Китаю Восточного Туркестана в 1757–1759 годы. Монеты для новой области отливались в Яркенде, Аксу и Уши, что отмечалось, как обычно, на оборотной стороне, но дважды: по-маньчжурски и арабским шрифтом по-уйгурски” (Там же: 32–33). Таким образом, монета с указанным местом отливки, попадая в разные концы государства, могла выступать вещественным доказательством мощи императорской власти, бескрайности Поднебесной.

Итак, китайские деньги прошли долгий путь от средств обмена до идеологического рычага. Этот путь начинался с раковин каури и буквального подражания ценным предметам (мотыгам, ножам и др.), через унифицированные монеты определенного веса, в которых ценился металл, и далее к монетам, опредмечивающим императорскую власть, время и пространство. Причем в данном случае деньги буквально отражали существующее положение дел в Поднебесной с помощью точной иероглифической надписи. Другие средства выражения (знаки, символы, изображения) при этом не использовались.

Современная денежная система Китая

«В 1889 г. Китай отказался от бронзовой монеты с квадратным отверстием, существовавшей в стране более 2500 лет. Вместе с тем, древняя техника изготовления монет – литье – была заменена чеканкой по западному образцу и с помощью европейских машин. Главное содержание реформы заключалось в принятии новой монетной системы на основе мексиканского доллара (“песо”): 1 доллар (по-китайски “юань”) равен 100 сентам² (по-китайски “фэнь”); 10 сентов (фэней) составляют “цзяо”, а 1 сент (фэнь) приравнен 10 цяням, по идее становившимся отныне лишь счетной единицей» (Там же: 37). Впоследствии “цянь” сошел с исторической арены, но в целом эта система, укрепившись в конце XIX в., дошла до наших дней. “Первые серебряные юани были выпущены в 1889 году в Кантоне, а с середины 90-х годов XIX в. к чеканке новых монет с характерным изображением дракона и горячей жемчужины приступили и другие монетные дворы” (Зайцев 2004: 21).

Имперский период развития денежной системы, гарантом стабильности которой выступал император каждой династии, подошел к своему завершению. Теперь, с установлением республиканской формы правления, в результате Синхайской революции 1911 г., государство столкнулось с вызовами нового века. Сам факт создания республики уже является результатом проникновения националистических идей в Китай и разработки их местными идеологами. И поскольку принцип республиканского правления предполагает, что источником власти является народ, то перед элитами государства обозначилась идеологическая задача обоснования концепции самого народа, от имени которого осуществляется власть в государстве.

«Термины, обозначающие понятие “нация” в двух основных категориях, пополнили китайский лексикон сравнительно недавно, будучи заимствованы в конце XIX в.

из японского языка. Японцы, в свою очередь, восприняли их с Запада. Через японские тексты новая терминология, для записи которой использовалась китайская иероглифика, усваивалась обучающимися в Японии китайскими студентами и вообще китайцами, которые по тем или иным обстоятельствам попадали в Страну восходящего солнца. Именно таким путем на грани XIX–XX вв. в статьях китайских авторов появляются неологизмы *гоминь* – “нация” как государственно-политическое образование и *миньцзу* – “нация” как этническая общность» (Москалев 2002а: 126–127).

Наиболее выдающимися идеологами китайской нации могут быть названы Лян Цичао, Сунь Ятсен, Цзян Чжунчжэн (Чан Кайши), Мао Цзэдун, Фэй Сяотун (Москалев 2002а: 126–142, Москалев 2002б: 141–157). Не вдаваясь в теоретические тонкости каждой доктрины, которые в процессе своего становления испытывали взаимное влияние и проникновение, хотелось бы обратиться к современным практическим следствиям разработки концепции китайской нации, нашедшим отражение в денежных знаках.

В КНР с 1949 по 1999 г. было выпущено пять комплектов денежных знаков. Каждая серия обладала своей семантической концепцией, единым стилем исполнения. В первой, второй и третьей концепциях использовалось большое количество образов, связанных с рабоче-крестьянской тематикой. На этом фоне четвертая серия резко выделялась обилием этнических сюжетов. Последняя, пятая серия, была приурочена к празднованию в 1999 г. 50-летнего юбилея образования КНР, банкноты которой отмечены унификацией сюжета (присутствует только портрет Председателя Мао) и повышенной степенью защиты самих банковских билетов.

Четвертая серия денежных знаков, выпущенная после 1949 г., отличается единой концепцией и стилем исполнения. При анализе банкнот, собранных в ходе полевых исследований в 2004–2005 гг. в Китае, помимо специализированной литературы, была использована информация с официального сайта Народного банка Китая, а также многочисленных китайских Интернет-ресурсов: нумизматических сайтов, любительских блогов.

Официальный сайт Народного банка Китая дает информацию о том, что “в соответствии с потребностями экономического развития, с постепенным созданием финансовой системы Китая, с удобством обращения и экономических расчетов, Госсовет КНР 25 апреля 1987 г. издал указ о выпуске четвертой серии Народной валюты (*renminbi*). Всего предполагалось выпустить 9 видов банкнот, номинальной стоимостью 1, 2, 5, 10, 50 и 100 юаней, а также банкноты стоимостью меньше одного юаня: 1, 2, 5 цзяо” (Краткий очерк...).

Затем дается информация о том, что выпуск четвертой серии должен проходить под лозунгом “Один раз объявили, за несколько раз эмитировали (банкноты)”³. Поэтапная эмиссия открылась 27 апреля 1987 г. выпуском денежных знаков номиналом 50 юаней и 5 цзяо. Далее в мае 1988 вышли в свет номиналы на 100, 2, 1 юань, и 2 цзяо. В сентябре того же года появились 10, 5 юаней и 1 цзяо. После этого несколько раз выпускались дополнительные тиражи того же образца, а также “в соответствии с 97-м приказом Госсовета от 8 мая 1992 года к этой серии добавились монеты номинальной стоимостью один, пять цзяо и один юань” (Там же).

Далее официально называется идеологическая концепция, которая послужила базой создания этой серии денежных знаков: “под руководством КПК весь народ Китая (и каждая национальность) с твердой волей и огромным энтузиазмом, в полном сплочении, создает социализм с китайской спецификой”. Воплощение этой концепции предполагалось осуществить с помощью визуальных образов, помещенных на купюры. На лицевой стороне всех купюр представлены портреты людей, в облике которых читаются как этнические, так и социальные маркеры. Таким образом, удобнее, по типологии, анализировать сначала лицевые стороны банкноты (аверс) всей серии в целом, а затем оборотные (реверсы). Еще одна особенность заключается в прямой пропорциональной зависимости размера банкнот и их номинальной стоимости.

Рис. 1. Денежные знаки КНР. 4-я эмиссия (1987–1999)

Если расположить все вышеописанные купюры в вертикальный ряд, то получится некая лестница, поскольку купюры постепенно увеличиваются в размере (Рис. 1)⁴. Эта лестница аллегорически представляет собой модель социальной структуры, такой, какой хотела видеть ее власть. Народ является корпусом государства, надежной опорой, одной большой семьей. Двойной портрет на каждой купюре усиливает впечатление многообразия этнического состава КНР. Вершину же занимают купюры, на которых помещены портреты не с этническими, а с профессиональными маркерами – пролетариата, крестьянства и интеллигенции. На самой вершине – монолит правящей партии.

Иерархическая структура изображений, расположенных на банкнотах, свойственна не только этим купюрам. Например, “изображение различных российских городов, причем в иерархическом порядке (на сотенных купюрах – Москвы, на пятидесятирублевках – Петербурга и т.д.), на российских деньгах, во-первых, подчеркивает географическую ширь России, которая, как известно, всегда была для нее более значимой, чем историческая глубина, а во-вторых, воспроизводит, пусть и символическую, идею иерархического построения власти в Российской Федерации. Этому вовсе не противоречит тот факт, что на пятисотрублевых купюрах изображен Архангельск. Ведь он представлен там памятником Петру I и российским флотом, что должно символизировать величие России и ее глобальные интересы” (Шницельман 2000: 26–27).

Анализ аверсов банкнот четвертой серии

Анализ визуального ряда можно начать с купюр, номинальной стоимостью меньше одного юаня – это купюры “цзяо”. Иероглиф *цзяо* (𠄎) употребляется для обозначения “части”, “угла”, “мыса”, “рога” (Словарь 2004). В количественном отношении 1 цзяо составляет десятая часть юаня. Цветовая гамма различна: один цзяо выполнен в коричнево-кофейных тонах, два цзяо – преимущественно изумрудно-зеленого цвета, пять цзяо – в основном, фиолетового. Структура рисунка единообразна. Пространство купюры представляет собой бинарную структуру: люди – иероглифы, помещенные на фоне стилизованного цветочно-геометрического орнамента. Аллегорические портреты выполнены в профиль или в три четверти поворота головы. Все фигуры смотрят целеустремленным взглядом в некое пространство, выходящее за пределы купюры. Напротив расположены иероглифы, означающие достоинство банкноты. Сверху надпись – Китайский народный банк.

Так, на одном цзяо помещены два мужских портрета: на переднем плане – представитель малой народности гаошань⁵, на заднем – маньчжур (мань цзу)⁶ (Рис. 1, 1–1). На двух цзяо имеются парные женские портреты. На переднем плане – девушка народа буи (буи цзу)⁷, на втором – кореянка⁸ (Рис. 1, 1–2). На пяти цзяо снова помещены женские портреты, соответственно – мяо (мяо цзу)⁹ и чжуан (чжуан цзу)¹⁰ (Рис. 1, 1–3) (Yahoo zhi shi tang).

Композиционное решение рисунка реверса всех цзяо-купюр одинаково (Рис. 1, 2–1; 2–2; 2–3). Центр определен государственным гербом, который расположен на фоне стилизованного орнамента. Верх и низ купюры определяет фраза “Китайский народный банк”. Сверху она выполнена латинскими буквами – алфавитом пининь цзыму – дублирующим звучание иероглифов официального наречия путунхуа. Нижний край обозначен этой же фразой, переведенной на языки автономных районов – монгольский, тибетский, уйгурский, чжуанский языки.

Следующий уровень денежных знаков – юань. Современная денежная единица юань в древности являлась единицей веса. Самые ранние золотые слитки, обозначенные весом юань относятся к 403–225 годы до н.э. (Быков 1969: 10). В современном китайском языке существует термин юань бао (元宝), который переводится как “сереб-

ряный слиток в 50 лян или золотой слиток в 5–10 лян” (Словарь 2004). Исходя из перевода, представляется возможным предположить, что поскольку *бао* 宝 – означает “сокровище”, то соответственно *юань* – имеет отношение к количественному выражению этого сокровища: 50 лян серебром, или 10 – золотом.

Помимо указанного *юань бао* – слитка из серебра или золота определенного веса, иероглиф *юань* употребляется в таких значениях, как “первый”, “главный” (Там же). Таким образом, юань имеет еще более весомую смысловую нагрузку – “первый, главный”, по сравнению с традиционным цзяем. Один юань составляет десять цзяо или сто феней. Купюра достоинством один юань по размеру больше всех выше названных цзяо, но она является самой маленькой среди юаней.

Основная бинарная структура рисунка купюр номиналом в один, два, пять и десять юаней сохраняется, только по композиции портреты и иероглифы меняют диспозицию. Купюры различаются по цвету: один юань – красно-коричневого цвета, два юаня – зеленого, пять – темно-коричневого, а десять юаней выполнены в синей цветовой гамме.

На одном юане представлены женские портреты народности дун (дун цзу) и яо (яо цзу)¹¹ (Рис. 1, 1–4). На двух юанях – женские портреты – уйгурки, а на втором плане – народности и (ицзу)¹² (Рис. 1, 1–5). Пять юань содержат мужские портреты жителя Тибета (цзан цзу) и народности хуэй (хуэй цзу)¹³ (Рис. 1, 1–6). На десяти юанях на переднем плане – молодой человек – хань (хань цзу), а старик ассоциируется с монголом¹⁴ (Рис. 1, 1–7) (Yahoo zhi shi tang).

Итак, на купюрах от одного цзяо до десяти юаней представлены четырнадцать народов, проживающих на территории КНР: хань, монголы, хуэй, тибетцы, народность и, уйгуры, дун, яо, мяо, чжуан, буи, корейцы, гаошань, мань.

Надо сказать, что сама концепция 56 народов КНР сформировалась не однозначно и не сразу. Практической работе по идентификации населения предшествовали острые теоретические дебаты о таких терминах, как *нация*, *этническая единица* и др. Лишь в 1953 г. Мао Цзэдун “дал указание считать все национальности страны нациями и не подразделять их (национальности), в частности, на нации и народности, как это было принято в Советском Союзе, термин миньцзу (нация) стал наименованием тех самостоятельных этнических единиц, которые и являлись конечной целью работы китайских ученых по этнической идентификации” (Москалев 2001: 150).

Несмотря на то, что волевое решение администрации только к 1953 г. поставило точку в теоретических дебатах, «38 национальностей были идентифицированы в первые же годы после образования КНР, и их идентификация, по всей видимости, не вызвала в то время каких-либо трудностей или сомнений теоретического порядка. Вскоре появились новые сведения, полученные во время переписи населения, состоявшейся в 1953 г., а также в ходе проведения всеобщих выборов 1954 г. Тогда заявили о себе более 400 различных этнических групп. Но это, так сказать, был всего лишь “сырой материал”, подлежащий научной экспертизе и официальному подтверждению» (Там же: 149).

Дальнейшая обработка этнографического материала дала возможность только “к началу 60-х годов выявить и утвердить еще 16 национальностей. В 1979 г. к списку официально признанных национальностей была добавлена еще одна (цзино в провинции Юньнань). Неханьских национальностей стало 55. С тех пор их список больше не пополнялся” (Там же: 149). Таким образом, ко времени создания четвертой серии денежных знаков концепция 56 составляющих народа КНР была четко оформлена с идеологической точки зрения, оставалось только выбрать наиболее подходящих представителей для размещения на дензнаках.

Принцип отбора из 56 официально признанных национальностей КНР не указывается ни на официальной странице Народного банка, где лишь приводится строгая информация о портретах, об элементах узора фоновой части и пейзажных фрагментах

реверсов купюр, ни в других статьях с расширенным описанием. Присутствует только указание на провинцию, где проживает ассоциируемое с портретом национальное меньшинство (Yahoo zhi shi tang). Таким образом, происходит закрепление территории за определенным народом и выстраивается иерархическая структура территориальных образований страны.

Итак, эти четырнадцать народов закрепляют за собой основные административно-территориальные образования. Особенно это касается таких больших и сложных регионов, как Внутренняя Монголия, Тибет, Синьцзяно-Уйгурский и Нинся-хуэйский автономные районы.

Желаемый образ территориальной целостности маркируется еще и народностью гаошань. Важен сам факт включения о-ва Тайвань в структуру китайского государства, посредством включения образа народа гаошань в структуру большой и единой семьи народов, населяющих КНР. Подобно тому, как остров Тайвань обязательно присутствует на всех географических и политических картах, выпущенных и распространяемых в пределах КНР.

Особенность этнонима гаошань заключается в том, что это собирательный термин. «По данным тайваньской администрации, на острове и близлежащих островках проживает 9 национальностей: амии, атаял, паиван, бунун, рукаи, бинан, цоу, баоя, ями. По другим данным, их несколько больше. Их общая численность здесь – более 300 тыс. человек. В континентальном Китае гаошань проживают главным образом в провинции Фуцзянь, где их в целом насчитывается 2909 человек (1990 г.). При этом в доступной китайской литературе не сообщается, какими же национальностями представлены фуцзяньские гаошань. В то же время в КНР в последние годы начинают признавать, что гаошань – это неоднородная этническая группа. К примеру, Чэнь Гоцян еще в первой половине 80-х годов писал, что название гаошань является “обобщающим” (*гай чэн*), а Хуан Ингуи называет “гаошань” “просторечным наименованием” (*су чэн*). Возможно, что составляя свой список в 50-е годы, китайские этнографы в данном случае сочли, что “мелкие племена” удобнее обозначить как “одну национальность”, тем более, что и в КНР некоторые родственные этносы, говорившие, правда, на различных языках и имевшие свои самоназвания, также зачастую объединялись в “единые” национальности» (Москалев 2001: 152). Также являются собирательными этнонимы яо, мяо, ицзу, чжуан, занимающие ведущие позиции в списке численности населения неханьских национальностей, а также именно они были избраны (14 из 56) для репрезентации народа КНР на денежных знаках. Итак, на банкнотах представлен собирательный образ национальностей, народа и страны.

Эти народы – самые крупные среди официально признанных 56. В газете “Женьминь жибао” была опубликована этническая статистика по состоянию на 1990 г. (Женьминь жибао 14.11. 1990; цит. по: Москалев 2001: 215). Причем в Китае принята особая последовательность, в которой указанные народы подряд занимают верхние позиции, разве что кроме гаошань и дунсян. Таким образом, на аверсах четвертой серии денежных знаков КНР, с помощью этнографических портретов, воплощена концепция единого народа и государства как целостной и неделимой территории.

Купюры достоинством в пятьдесят и сто юаней несколько отличаются от всех остальных. Это самые крупные купюры и по номиналу, и по размеру среди всех вышеописанных. В центре банкноты на пятьдесят юаней изображены портреты трех граждан КНР (Рис. 1, 1–8). Фигуры распределены по гендерному признаку: в центре девушка, а по обе стороны от нее – мужчины. Определяющим в их облике являются профессиональные маркеры. Девушка в центре ассоциируется с крестьянством и сельским хозяйством, молодой человек – с рабочим классом, мужчина средних лет, с седыми волосами, в очках представляет собой аллегория мудрого учителя (Краткий очерк).

На купюре достоинством в сто юаней помещены профильные портреты основных политических фигур КНР (Рис. 1, 1–9). Самым близким к зрителю расположен портрет Председателя Мао, за ним соответственно следуют Чжоу Эньлай, Лю Шаоци, Чжу Дэ. Четыре профиля представляют собой государственную машину КНР.

Мао Цзэдун в 1949 г. возглавил государство, приняв пост Председателя Центрального комитета КПК. Тогда же был образован основной высший орган государственной власти – Всекитайский съезд народных представителей. Председателем Постоянного Комитета ВСНП был избран Лю Шаоци. Главой правительства – Государственного совета – стал Чжоу Эньлай. Высший военный орган государства – Центральный Военный Совет КНР – возглавил Чжу Дэ, который по праву считается первым маршалом КНР.

Анализ данной купюры будет неполным, если не учитывать общий политический контекст, в котором была разработана и принята концепция данной серии. В год утверждения серии к эмиссии – 1987 – страной руководил старый соратник “Четырех великих” – Ден Сяопин. В 1977 г. Пленум ЦК утвердил Дэн Сяопина в должностях: заместителя председателя ЦК КПК, заместителя председателя Военного совета ЦК КПК и начальника Генштаба НОАК (1977–1980), заместителя премьера Госсовета КНР.

Основной тезис четвертой концепции гласит, что “китайский народ строит социализм под руководством КПК”. Народ, как было показано, представлен на купюрах от одного цзяо до 50 юаней аллегорическими портретами. Пусть национальности являются собирательными категориями, а крестьяне, пролетариат, интеллигенция – социальными, но на купюрах создается иллюзия действительно существующих людей. Причем этнические категории являются базовыми, низшими. Классовые категории представляют второй уровень. Третий уровень, руководителей, представлен не собирательными портретами членов КПК, борцами за светлое будущее, а профилями конкретных людей. Более того, вожди изображены в виде памятников, каменных бюстов, выстроенных в музейный ряд. В этом отношении можно сравнить изображение на 100 юанях с визуальным рядом банкнот СССР эмиссии 1961 г., которые не менялись и имели хождение вплоть до эпохи Б.Н. Ельцина. На этих купюрах Ленин изображался не как живой человек, но подчеркнута как гранитный бюст, подобный многим памятникам, установленным почти в каждом городе и населенном пункте на территории СССР. Ведь к 1961-му году Ленин стал не столько вождем, сколько символом.

Вполне вероятно, причиной подчеркнута монументальной манеры изображения руководителей является факт того, что к моменту утверждения четвертой серии их не было в живых. Символически можно расценивать тот факт, что трое из них покинули этот мир вместе в 1976 г. Раньше всех Чжоу Эньлай – 8 января, затем Чжу Дэ – 6 июля и только потом сам Председатель 9 сентября отошел в мир иной. В этом они оказались удивительно солидарны. Официальная дата смерти четвертого соратника, Лю Шаоци, была утаена, поскольку с 1969 г. он находился в тюрьме, и лишь в 1974 г. было официально объявлено о его смерти.

В связи с этим, особое внимание обращает на себя цветовая гамма банкноты. Цвет как бы переливается от пурпурного до глубокого фиолетового. В свою очередь, «фиолетовый цвет традиционно являлся в Китае цветом одежды избранных, символом правящих классов, он служил обозначением всего величественного, а также использовался в даосской религии для причисления к лику блаженных, святых. Эти обстоятельства отразились в языковых выражениях, в частности, дворцовый ансамбль династии Мин и Цин в Пекине носил название – “Пурпурный запретный город”, выражение “фиолетовое ограждение” образно употреблялось в отношении Великой Китайской стены, а сочетание “фиолетовая резиденция” служило обозначением небес как обители бессмертных. Символическое значение фиолетового цвета как знака могущества, власти и величия приписывается прежде всего его пурпурной тональности» (Шевчук 2006: 262).

Принимая во внимание то многое, что сделал для политической и экономической стабильности страны Дэн Сяопин, необходимо отметить, что 100 юаневая купюра с портретами “Четырех великих” не выходит из общего русла внутренней политики того времени. Ведь при жизни их взгляды и политические амбиции не были монолитны. И Чжоу Эньлай, и Лю Шаоци, и Чжу Дэ так или иначе попали под опалу Мао Цзэдуна. Чжу Дэ был выслан из Пекина в 1969 г. в провинцию Гуандун. Годом раньше, в 1968 г. Лю Шаоци был исключен из партии, а в 1969 г. посажен в тюрьму.

Однако Дэн Сяопин в 1980 г. идеологически реабилитировал не только Лю Шаоци, который был исключен из партии во время культурной революции, но и самого Мао Цзэдуна, которому был возвращен статус Великого марксиста, пролетарского революционера и выдающегося военного генерала.

Под чутким руководством Дэн Сяопина был составлен официальный документ, подготовка которого продолжалась более года, и в котором была сформулирована официальная оценка деятельности Председателя Мао. В “Решении по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР” стержневыми были три момента. “Во-первых, определить место товарища Мао Цзэдуна в истории, отстаивать и развивать идею Мао Цзэдуна. Это самый главный из трех моментов. (...) Во вторых, надо дать реалистический анализ важным событиям за 30 лет после образования КНР, отметить, что было правильным и что было неправильным, и справедливо оценить заслуги и ошибки некоторых ответственных товарищей. В-третьих, этот документ должен подвести основной итог пройденному пути” (Дэн Сяопин 1997: 119–120).

Таким образом, четвертая серия денежных знаков – это итог 30-ти летнего развития страны. Дэн Сяопин подвел итоги развитию идеологической концепции страны: разработал дифференцированный образ народа, от имени которого осуществляется власть в государстве. “Недаром он занимался вопросами национального самоуправления еще на заре становления системы районной национальной автономии в бытность свою секретарем бюро ЦК КПК по Юго-Западному Китаю” (Москалев 2001: 70). Дэн Сяопин отдал дань своим соратникам, проведя идеологическую работу по восстановлению их авторитета. Помещая портреты Мао Цзэдуна, Чжоу Эньлая, Лю Шаоци и Чжу Дэ вместе на самую главную купюру, Дэн Сяопин символически снимает их жизненные и политические разногласия, оставив только заслуги перед Отечеством.

Анализ реверсов банкнот четвертой серии КНР

Оборотная сторона купюр стоимостью от одного до десяти юаней имеет свою структуру, в которой обозначены смысловой центр и четырехчастная периферия. В центре – какой-либо фрагмент ландшафта, находящийся в пределах государственных границ. Периферия представляет собой композицию, состоящую из нескольких элементов: фраза “Китайский народный банк”, записанная алфавитом пинин цзыму (Zhongguo renmin yinhang) и переведенная на четыре языка автономных районов КНР; орнаментальные рамки с указанием номинала купюры цифрами и прописью латинскими буквами; дата выпуска и орнаментальный цветок.

Центральная часть банкноты одного юаня содержит изображение Великой стены (Рис. 1, 2–4). В статье с официального сайта Банка Китая не указывается, какой именно участок Великой стены здесь изображен. Вполне вероятно, что здесь художником воплощен собирательный, идеальный образ. Выбранный ракурс, “с высоты птичьего полета”, позволяет показать Стену во всем ее величии. При этом открывается панорама горных пиков, по которым, извиваясь, подобно дракону, ползет Великая стена. Оба ее “хвоста” скрываются за горизонтом, уходящим в бесконечную даль пейзажа.

Надо сказать, Великая стена берет свое начало в период Борющихся Царств, задолго до официальной даты своего появления – времени объединения феодальных

княжеств под властью императора Цинь Шихуана. «Строительство этого сооружения облегчалось тем, что к этому времени каждое из трех северных царств Китая – Цинь, Чжао и Янь – уже имело свои стены, ограждавшие их от нападения кочевников. При Шихуане все эти стены были отремонтированы, расширены и соединены в стройное единое оборонительное сооружение, протяженностью свыше 10 тыс. ли, отсюда и возникло название “Ваньли чанчэн” – “Стена длиной в 10 тысяч ли”. В Европе она известна как Великая китайская стена. Широкое строительство стены началось уже в 215 г. до н.э., когда на север прибыла 300-тысячная армия полководца Мэн Тяня. Вместе с воинами над сооружением стены трудились осужденные, государственные рабы и общинники, мобилизованные на государственные трудовые повинности со всей страны. (...) Через два года, к концу 213 г. до н.э., строительство Великой китайской стены было в основном закончено» (Крюков и др. 1983: 108–109). С этого времени Великая стена является одной из основных императорских забот почти каждой династии.

В XX в. руководители социалистического государства также внесли свой огромный вклад в сохранение тысячелетнего исторического наследия. «Вскоре после образования КНР, в 1952 г. был создан правительственный фонд для того, чтобы осуществить “Главный китайский проект по реконструкции”. Но особенно о восстановлении Великой стены в прессе заговорили летом 1984 года, когда была развернута в прессе широкая кампания по привлечению инвестиций в указанный фонд. Вскоре помощь начала поступать от китайцев и иностранцев, от экспертов и ученых, от лидеров партии и правительства. Товарищем Дэн Сяопином был выдвинут лозунг: Любить Китай, восстановить Великую стену (Yu Jin 1990: 116) «爱我中华, 修我长城- Ай во чжун хуа, сиу во чан чэн».

Вскоре на призыв средств массовой информации откликнулись люди более чем из 20 стран мира, включая США, Японию, Великобританию, Францию и Италию, а так же Гонконг и Макао. Особенно активными были хуацяо (так называются китайцы, живущие за границей). Первым был отремонтирован участок Бадалин. Вскоре обновилась Цзююань и Шанхайгуань. И эти три отрезка были открыты для иностранных туристов (Там же: 117).

Таким образом, и социалистическое правительство продолжило дело, начатое императорами древности. Ведь процесс реконструкции стены сродни ее новому возведению. Традиции по-прежнему соблюдаются, Великая стена грозно охраняет теперь уже “музейные” и идеологические рубежи, ведь ее образ является одним из ключевых в пропаганде патриотизма в Китае.

Оборотная сторона купюры достоинством в 2 юаня содержит изображение бурных волн, бьющихся о каменные валуны (Рис. 1, 2–5). Статья с сайта Народного Банка дает указание, что это “единственная опора южного неба на южном море” (南海南天一柱 *нань хай нань тянь и чжу*). И на самих камнях, при сильном увеличении, можно рассмотреть четыре иероглифа, нанесенные на ту самую “единственную опору южного неба”. Прототипы этих камней расположены в курортном районе самой южной точки о-ва Хайнань (Прекрасная Санья: 19–20). Ими открывается пространство Южно-китайского моря.

На пяти юанях помещено изображение долины р. Янцзы (Рис. 1, 2–6). Берега безмятежной реки обрамляют скалистые вздымающиеся вверх горы. Это место называется “Колдовское ущелье реки Янцзы” (Краткий очерк...). Оно расположено на стыке двух провинций, между местом впадения реки Данин в Янцзы и населенным пунктом Бадун, всего длиной 45 км (Yahoo Zhi shi tang).

На реверсе купюры достоинством 10 юаней (Рис. 1, 2–7) изображена вершина Джомолунгмы (Краткий очерк...). Это главный пик Гималаев, самых высоких гор в мире, высота которого над уровнем моря составляет 8848.13 м. Использование этого образа на купюрах четвертой серии важно с политической точки зрения. Дело в том, что этот пик расположен на границе двух государств – КНР и Непала, поэтому

Рис. 2. Перевернутый фрагмент купюры 50 юань. 4-я эмиссия (1987–1999)

его изображение на валюте превращается в национальный символ и приобщает эти территории к КНР. Ко всему прочему, Джомолунгма является символом Гималаев, а значит и Тибета, приобщение которого посредством символики национальной валюты является принципом территориальной целостности государства.

Реверс купюры достоинством в 50 юань, подобно аверсу, отличается от купюр меньшего номинала. В данном случае представлена структура изобразительного центра и двух фланкирующих полей (Рис. 1, 2–8). В левом поле расположены: герб КНР, фраза “пятьдесят юань”, записанная алфавитом пинин цзыму – *wu shi yuan*, и номинал 50 в рамочном обрамлении.

Необходимо отметить, что надпись и герб расположены на фоне замысловатого орнамента. Эти узоры стилизованы под древний орнамент, свойственный предметам бронзового ритуального искусства эпохи Шан-Инь. Особенность этого орнамента состоит в повторяющихся личинах мифологического чудовища Тао-тэ. По аналогии с древним орнаментом линии узора этой части купюры тоже складываются в несколько масок.

Мифологическое предание говорит о том, что “у этого животного страшная, отвратительная голова и нет туловища, справа и слева к голове прилеплено по крылу, издали напоминающему ухо. Люди называли его Тао-те – ненасытное чудовище” (*Юань Кэ* 1965: 130).

“Желтый император отрубил ему голову, а позднейшие правители изобразили ее на треножнике, чтобы утратить непокорных и строптивых сановников и князей. Кусочки мяса, прилепленные на манер ушей, по-видимому, изображали крылья, некогда выросшие у него за спиной. Благодаря им он перелетал через пустоту и переносился через пропасти, являя свое могущество” (Там же: 130).

На древних бронзовых сосудах изображение масок Тао-тэ может составлять основу орнаментального ряда. Расположенные рядом маски легко сочетаются и проникают друг в друга, “глаза” одной маски могут быть “ушами” другой. В этом прослеживается глубокий мифо-ритуальный синкретизм, свойственный древним культурам.

Если с этой точки зрения посмотреть на орнамент пятидесяти юаневой купюры, то в левом поле четко обозначены две маски Тао-тэ. Первая расположена между государственным гербом и надписью *wu shi yuan* – пятьдесят юаней. Вторая находится ниже: между фразой *wu shi yuan* и рамкой с цифрой 50.

Особенного внимания заслуживает тот факт, что купюра, в отличие от сосуда, может попасть в руки человеку в случайном порядке. Таким образом, возможно рассматривать этот орнамент “верх ногами” (Рис. 2). И в этом случае орнамент продолжает “работать”, складываясь в две новые маски Тао-тэ. При этом фраза *wu shi yuan* теряет свое значение и предстает неким дополнением к орнаменту. Ниже этой фразы образуется вторая маска. Государственный герб в этом случае перестает выполнять

свою первичную семантическую функцию и становится смысловой частью орнамента – дополнением к маске Тао-тэ. Несмотря на то что роль Государственного герба трансформируется, теперь он становится органичной частью орнамента и сливается с древностью, не происходит инверсии, превращения в собственную противоположность – опрокинутой, уничтоженной государственности. Так идеологически выражается националистический тезис о преемственности современного государства. В этом смысловом пространстве купюры древность и современность выступают на равных.

В центре композиции 50-юаневой банкноты расположен величественный вид водопада “Хукоу” реки Хуанхэ (Краткий очерк...). Неофициальный Интернет-источник указывает, что это “второй по величине водопад Китая. Он расположен в центральном Китае на границе двух провинций, пределы которых размежеваны по руслу Хуанхэ. Западный берег определяет границу провинции Шанси (Shaanxi Province) и внутреннего уезда И Чуань. Восточный берег соотнесен с провинцией Шаньси (Shan xi Province) и уездом Цзи” (Yahoo Zhi shi tang). Образ Хуан Хэ на купюрах национальной валюты опредмечивает смыслы изначальной автохтонности, колыбели китайской цивилизации. По своей семантической нагруженности может сравниться разве что с Великой стеной.

Реверс 100-юаневой купюры по структуре подобен купюре в 50 (Рис. 1, 2–9). Центральное изображение также обрамлено широкими полями, с теми же элементами. Оно представляет собой горы Цзинганьшань (Краткий очерк...), которые расположены в юго-западной части провинции Цзянси. Эти горы являются символом новейшей истории КНР, поскольку связаны с ключевыми событиями. В 1928 г. «в апреле отряд Чжу Дэ вышел в район Цзинганьшань, где скрывался небольшой отряд Мао Цзэдуна, сложившийся из пришедших сюда участников потерпевшего поражение “восстания осеннего урожая” и местных отрядов Юань Вэньцая и Ван Цзо, являвшихся по сути дела бандитскими. Приход сильного и хорошо организованного отряда Чжу Дэ позволил создать на стыке провинций Хунань и Цзяньси Цзинганьшаньскую революционную базу. Объединенные партизанские части получили наименование 4-го корпуса Красной Армии (командующий – Чжу Дэ, комиссар – Мао Цзэдун)» (*Меликсетов 2002: 509–510*).

Изобразительный ряд реверсов четвертой серии купюр КНР подчинен определенной географическо-семантической логике. В основании визуального ряда находится изображение Великой стены – древнего символа китайской государственности, расположенного на севере страны. Следующий образ – это самая южная точка страны – “опора Неба”. Далее на купюрах размещены две великие реки Китая – Хуан Хэ и Янцзы, культурная и идеологическая значимость которых невероятно насыщена. Завершают целостность две великие вершины: Джомолунгма – как высочайший пик мира, идеологический символ территориальной целостности, и Цзиньганшань – пик, на котором зародилась современная китайская государственность.

В заключение следует еще раз отметить, что китайская государственность, насчитывающая тысячелетия своей истории, в XX в. столкнулась с новыми вызовами, и, подобно многим другим странам, прошла путь от монархии до республики, что четко прослеживается на денежном уровне. В период правления монархических династий деньги функционировали в качестве мерила власти государя, в прямой зависимости от которой находится экономическая стабильность страны. Деньги являлись также мерилom времени (посредством сменяемости девиза правления) и пространства (с помощью обозначения места выпуска монеты). Бумажные денежные знаки выступали в качестве заменителей традиционных монет, облегчали их вес и не несли никакой самостоятельной идеологической функции.

В XX в. китайская государственность открывается для построения гражданского общества. Денежный уровень ярко отражает трансформационные процессы. Как и другие республиканские государства, Китай вынужден обратить особое внимание

на процесс концептуализации народа, от имени которого осуществляется власть. Эта концепция должна быть представлена не только в таких документах, как конституция, концепция национальной политики и др., но и визуально воплощаться на денежных знаках национальной валюты. Как раз с этой точки зрения четко прослеживается разница между ролями, которые играют деньги в монархических и республиканских государствах. В первом случае деньги как бы “отражают” положение дел в государстве: стабильности экономики – посредством качества и номинала монет; силы и текущей актуальности государственной власти – посредством девиза правления; масштаб территориальных границ – посредством обозначения места отливки. Во втором случае, поскольку теперь главная проблема заключается в легитимизации источника власти, деньги “внедряют” тот образ народа, который необходим властным элитам. И серийная сменяемость купюр не “отражает” действительные изменения самого народа, но “отражает”/“внедряет” изменения представлений правящих структур о китайском народе.

За 60 лет существования Китайской народной республики было выпущено 5 серий денежных знаков, четвертая из которых воплощает и внедряет наиболее глубоко проработанную концепцию китайской нации.

Целостный образ народа выстраивается в двух плоскостях – этнической и социальной. Первый уровень создается с помощью парных аллегорических портретов, ассоциированных с определенными национальными меньшинствами. Избирательность представленных портретов национальных меньшинств декларирует собирательный образ народа и территориальную целостность страны, посредством закрепления за национальными меньшинствами определенных государственных территориальных образований. При этом маркируется не только континентальная территория, но и островная: Тайвань – с помощью аверса одного цзяо, Хайнань – с помощью реверса двух юаней.

Концепция территориальной целостности дополняется географическими объектами, представленными на реверсах. С помощью них выстраивается определенная “сакральная” география, призванная продемонстрировать величие страны. С севера историческим рубежом Поднебесной является Великая стена, с юга – ограничена самой природой – Южно-китайским морем. Внутреннее пространство страны обозначено с помощью двух главных видов мифологических драконов: водных потоков (Хуанхэ и Янцзы) и горных вершин (Джомолунгмы и Цзиньганшань). Таким образом, проводится линия территориальной целостности страны, исторической преемственности и легитимизации современного режима.

Второй уровень социальной мобилизации представлен внеэтническими, но классовыми аллегориями крестьянства, пролетариата и интеллигенции, как образ социального единства. Третий, правительственный уровень, обозначен с помощью расположенных в ряд портретов четырех основателей и руководителей государства. Этот образ символически утверждает монолитность партии, единство идеологической линии, правильность и верность избранного пути. Принимая во внимание исторический контекст, в котором эта валюта имела хождение (1987–1999 г.), можно утверждать, что таким образом воплощаются приоритетные направления внутренней политики, подводятся итоги развития страны данного периода.

Наконец, следует сказать о том, что анализ визуального ряда денежных знаков служит индикатором успешности элит в решении теоретической задачи внутренней национальной политики. Государства мира решают эту проблему по-разному. Для утверждения тезиса о целостности страны и ее народа Китаю, например, в период 1987–1999-х годов необходимо было создать сложную и многоуровневую модель. Иному государству достаточно тезиса – девиза, помещенного на банкноты. Как например, «на ямайском долларе написано “Из многих – один народ”» (Тышков 2008: 17) *out of many – one people*. Эта фраза сопровождает репрезентацию двух базовых

частей социума: правителя (или представителей элиты) и народа. Однако сравнительный анализ концептуализации граждан определенной страны, представленный на банкнотах, – это предмет для отдельного исследования.

Примечание

¹ Это выражение «Приписывается французскому королю Людовику XIV (1643–1715), который якобы сказал (апрель, 1655) на заседании парламента Франции, обращаясь к депутатам: “Вы думаете, господа, что государство – это вы? Ошибаетесь! Государство – это я!”. Но, как показывает опубликованный протокол этого заседания парламента, Людовик XIV ничего подобного не говорил».

² При цитировании сохранено авторское написание.

³ 一次公布. 分次发行 // и цы гун бу, фень цы фа син.

⁴ Выражаю благодарность Лукьяновой О.О. за помощь в подготовке иллюстраций.

⁵ В цитируемой статье (Yahoo zhi shi tang) особое внимание уделяется традиционному месту проживания данной народности. Итак, *гаошань* живут на о-ве Тайвань и в провинции Фуцзянь.

⁶ *Мань* проживают в северных районах Китая: в провинции Ляонин, Хэлуцзянь, Цзилинь, Хэбэй, Пекин и других городах и провинциях.

⁷ *Буи* проживают в провинции Гуйчжоу.

⁸ Корейцы проживают в северо-восточных провинциях: Цзилинь, Хэлуцзянь, Ляонин и других.

⁹ Народ *мяо* в основном проживает на юге Китая, в таких провинциях как Гуйчжоу, Юннань, Хунань, Гуанси и Сычуань.

¹⁰ Народ *чжуан*, в свою очередь, проживает в Гуанси-Чжуанском Автономном регионе и в провинции Юннань.

¹¹ *Дун* в основном расселены в провинциях Гуйчжоу, Хунань и Гуанси. *Яо* – в провинциях Гуанси и Хунань.

¹² Уйгуры представляют собой основное население Синцзян-Уйгурского автономного р-на, а также проживают в провинции Хунань. Народность *и*, как правило, расселены в Сычуани и Юннани.

¹³ Соответственно, в статье (Yahoo zhi shi tang) указывается, что тибетцы живут в Тибетском автономном р-не, а народность *хуэй* – в Нинся-хуэйском автономной р-не. Но кроме того, *хуэй* широко распространены в провинциях Ганьсу, Хэнань, Юннань, Хэбэй, Ляонин, а также в Синцзян-Уйгурском автономной р-не, Внутренней Монголии, а также в городах Пекин и Тяньцзинь.

¹⁴ *Хань* расселены по всей территории государства. Монголы в основном занимают автономные р-ны Внутренняя Монголия, Синцзян-Уйгурский р-он, а также провинции Ляонин, Цзилинь, Хэлуцзянь и Цинхай.

Литература

Быков 1969 – Быков А.А. Монеты Китая. Л., 1969.

Дэн Сяопин 1997 – Дэн Сяопин. Замечания в связи с составлением “Решения по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР” // Строительство социализма с китайской спецификой. Статьи и выступления. М.: Палей, 1997.

Зайцев 2004 – Зайцев Д. Китайские монеты эпохи Цин (1644–1911). М., 2004.

Зайцев 2006 – Зайцев Д. Китайские монеты эпохи Мин (1368–1644). М., 2006.

Ивочкина 1990 – Ивочкина Н.В. Возникновение бумажно-денежного обращения в Китае эпохи Тан и Сун. М.: Наука, 1990.

Краткий очерк... – Краткий очерк о валюте Китайской Народной Республики (renminbi) 中华人民共和国货币概况 (раздел: Существующее положение о появлении валюты renminbi 人民币发行现状) // <http://www.pbc.gov.cn/renminbi/renminbifaxing/>.

Крюков и др. 1983 – Крюков М.В., Переломов Л.С., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М.: Наука, 1983.

Ли Ю 1937 – Ли Ю. Сун чао шиши (События истории периода Сун). Сер. “Цзуншу цзичэн”. № 835. Шанхай, 1937. Цз. 15.

- Меликсетов* 2002 – История Китая: Учебник / Под. ред. А.В. Меликсетова 2-е изд. испр. и доп. М.: Из-во Московского университета, Из-во “Высшая школа”, 2002.
- Москалев* 2001 – *Москалев А.А.* Теоретическая база национальной политики КНР (1949–1999). М.: Памятники исторической мысли, 2001.
- Москалев* 2002а – *Москалев А.А.* Доктрина китайской нации // Проблемы Дальнего Востока. № 5. 2002.
- Москалев* 2002б – *Москалев А.А.* Доктрина китайской нации (окончание) // Проблемы Дальнего Востока. № 6. 2002.
- Окудайра* 1974 – *Окудайра Масахиро.* Тоа сэни (Описание дальневосточных денег). Т. 3. Токио, 1974.
- Орлов* 2006 – *Орлов А.* Когда не было монет // *Банкаўскі вестнік*, 2006. Ліпень.
- Переломов* 1962 – *Переломов Л.С.* Империя Цинь – первое централизованное государство в Китае (221–202 гг. до н.э.). М., 1962.
- Прекрасная Санья – 美丽的三亚. 三亚市人民政府新闻办公室 编. Прекрасная Санья. Издано по заказу Информационного офиса Народного правительства города Санья. (Пров. Хайнань).
- Словарь 2004 – Китайско-русский словарь. Шанхайский университет иностранных языков. 2004.
- Тишков* 2008 – *Тишков В.А.* Российская нация и российские национальности // Этнические категории и статистика. Дебаты в России и во Франции / Под. ред. Е. Филипповой. М.: ФГНУ “Росинформагротех”, 2008.
- Шевчук* 2006 – *Шевчук О.П.* О значении традиционной символики для современных наименований цвета в китайском языке // Общество и государство в Китае: XXXVI научная конференция: к 70-летию А.А. Бокщанина / Ин-т востоковедения. М., 2006.
- Шнирельман* 2000 – *Шнирельман В.А.* Ценность прошлого: этноцентристские исторические мифы, идентичность и этнополитика // Реальность этнических мифов. М.: Московский центр Карнеги, 2000.
- Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений (сост. В. Серов) // <http://bibliotekar.ru/encSlov/4/75.htm>.
- Юань Кэ* 1965 – *Юань Кэ* “Мифы древнего Китая”. М., 1965.
- Yahoo zhi shi tang – Yahoo zhi shi tang. 出现在人民币上的少数民族文字是 # <http://ks.cn.yahoo.com/question/1406112708386.html>.
- Yu Jin* 1990 – *Geat Wall / Ed. Yu Jin, photo Cheng Dalin.* Beijing: Dalin Cultural Relics Publishing House, 1990.

E. M. Breus. Contemporary Currency Bills as Representations of Ideological Functions of the State Power (PRC, the Fourth Emission, 1987–1999)

Keywords: China, national currency, national minorities, national identity, territorial integrity

The article explores the ways in which the conceptualization of people as a source of state power is represented in the national currency of the state. The fourth emission currency of China is chosen as a case for the study, for the thoroughly thought out concept thereof can be seen as an integral reflection of the idea of Chinese nation. The fourth emission series may be viewed as summarizing the development both of the country itself and of its ideological line from 1949 through the 1980s. The essence of the concept is that the entire Chinese people builds socialism under the guidance of the Party. The visual row of the currency bills represents the community that is conceptualized by ethnic and social criteria. Portraits of national minority representatives are to be associated with certain territorial units, which asserts the idea of integrity of the country. The founders of PRC and the Party rulers before 1976 occupy the top of the pictured hierarchy. The monolithic quality of the images further asserts the unity of the ideological line and the solidarity of the people with their leaders.